

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Е. Мезенцева

**ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПРОГРАММАХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:**
эволюция методологических подходов и целевых критериев

Working Papers/2012-1

Серия: Методология гендерных исследований

Москва

2012

Редактор серии

«Working Papers» Московского Центра гендерных исследований

Член-корр. РАН, д.э.н. Н.М.Римашевская

Мезенцева Е.Б. Гендерное измерение в программах социально-экономического развития: эволюция методологических подходов и целевых критериев. МЦГИ, Working Papers, серия «Методология гендерных исследований». М., ИСЭПН РАН, 2012.

В работе рассмотрены инструменты согласования задач гендерной политики (и, в частности, достижение гендерного равенства) и ключевых целей экономического развития, включая вопросы бюджетного регулирования. Анализируется опыт различных стран, в которых уже более 20 лет реализуются программы социально-экономического развития (как международные, так и национальные), и где на практике опробованы целый ряд модели интеграции гендерной и экономической политики. Рассмотрен вопрос об эволюции основных критериев интеграции гендерного измерения в программы социально-экономической поддержки, проведен анализ основных этапов эволюции реальной гендерной политики международных организаций в период с 1950 года по настоящее время. Во второй части работы рассмотрены основные методологические подходы к проведению гендерного анализа социально-экономической сферы, такие, как гендерно-нейтральный подход (Гарвардская аналитическая модель), гендерно-перераспределительный (Модель расширения властных возможностей для женщин); институциональный (Анализ социальных отношений); культурно-преобразовательный (Матрица гендерного анализа).

Технический редактор Луныкова Л.Г.

Тираж 100 экз.

*Е.Б. Мезенцева,
НИУ ВШЭ, МЦГИ,
ИСЭПН РАН*

**ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПРОГРАММАХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
*эволюция методологических подходов и целевых критериев***

1. ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое реформирование экономики России и других постсоциалистических стран поставило перед аналитиками и экспертами новые задачи, связанные с выявлением разнообразных гендерных последствий рыночной трансформации. Главный вопрос, на который еще предстоит найти ответ, состоит в том, через какие инструменты могут быть согласованы задачи гендерной политики (и, в частности, достижение гендерного равенства) и ключевые цели экономического развития. В настоящей статье эта проблема рассматривается на примере развивающихся стран, в которых уже более 20 лет реализуются различные программы экономического развития (как международные, так и национальные), и где на практике опробованы некоторые модели интеграции гендерной и экономической политики. Нам представляется, что для России, реализующей в последние десятилетия программы структурных преобразований, осмысление этого опыта является одной из важнейших практических задач при разработке собственной гендерной политики и стратегии экономического развития.

В 80-е годы получили широкое распространение программы структурной перестройки (ПСП), которые изначально были разработаны в качестве одного из инструментов средств преодоления долгового кризиса развивающихся стран. Эти программы, получившие финансовую поддержку со стороны Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда, охватили более 70 стран третьего мира. Изучение гендерных последствий реализации этих программ стимулировало интерес со стороны гендерных исследователей к анализу систематических различий воздействия процесса экономического развития на мужчин и женщин, и к выявлению скрытого “гендерного крена” в “гендерно-нейтральных” социально-экономических программах¹, и, в первую очередь, в программах структурных преобразований.

Большинство подобных программ в качестве первого шага включали меры по стабилизации экономики (в частности, сокращение расходов в государственном секто-

ре и проведение жесткой монетарной политики). Следующим шагом являлась реализация среднесрочных мер по реформированию рынков с целью обеспечения внутренних инвестиций. На этом этапе основными инструментами политики структурных преобразований являлись меры по либерализации торговли, реформированию государственного сектора, снятию ограничений в сфере занятости; дерегулированию финансового рынка; созданию новых институциональных структур для поддержания стабильности экономического развития.

Исследования конца 80-х-начала 90-х гг. XX века выявили две различные формы гендерно-дифференцированного воздействия ПСП:

Прямое воздействие ПСП нашло свое отражение в различной вовлеченности мужчин и женщин в рыночные и нерыночные виды деятельности. Так, например, такой вид деятельности, как уход за детьми, традиционно рассматривается как типично женская обязанность. По этой причине сокращение учреждений социальной сферы и, в частности, закрытие государственных детских дошкольных учреждений, оказывало неизбежное воздействие на целый ряд характеристик женской занятости, начиная от общего объема совокупной трудовой нагрузки, приходящейся на женщин, и заканчивая уровнем их собственных доходов и решениями о возможности совмещения профессиональной занятости и семейных обязанностей². Кроме того, снижение общей численности занятых в государственном секторе (в котором женщины традиционно представлены достаточно широко), также может рассматриваться в качестве фактора прямого воздействия, поскольку оказывает понижающее воздействие на уровень занятости женщин.

Косвенное воздействие ПСП связано в первую очередь с изменением соотношения между продолжительностью рыночной занятости и домашнего труда в группе женщин, совмещающих профессиональную занятость с семейными обязанностями. Как показывает опыт многих стран, при определенных условиях может происходить перераспределение домашнего труда, традиционно выполняемого женщинами, в пользу неработающих членов семьи. В частности, такой эффект наблюдается в тех случаях, когда в ходе осуществления структурных преобразований в экономике формируются экономические стимулы, подталкивающие женскую часть рабочей силы к изменению профиля занятости, что приводит к переключению на другие виды деятельности и переходу в другие сектора экономики. Как свидетельствует опыт многих стран третьего мира, подобное перераспределение в первую очередь затрагивает девочек, которые либо вообще прекращают учебу в школе, либо не могут посвящать ей достаточное количество времени. В этих условиях выбора между учебой и ранним началом трудовой деятельности родители могут предпочесть вариант, обеспечивающий семье повышение совокупного денежного дохода, которое достигается за счет включения матери в рыночную занятость и перекладывания значительной части домашних обязанностей на

плечи дочерей. Результатом подобного перераспределения становится недоинвестирование семей в человеческий капитал дочерей. Эта тенденция косвенным образом позволяет оценить реальную значимость домашнего труда с точки зрения родителей дочерей, показывая, что в подобных условиях цена домашнего труда, выполненного дочерьми, становится выше, чем дополнительные ожидаемые доходы, связанные с получением образования девочками.³

«Гендерный крен» в ПСП по-разному оценивается различными специалистами. Экономисты, признающие необходимость учета гендерного измерения при анализе экономических процессов, считают, что подобный уклон в потенциале заложен уже на уровне концепции ПСП и инструментов их реализации, поскольку не принимаются во внимание такие фундаментальные различия как гендерное разделение труда, преобладание женщин в сфере неоплачиваемого труда и неравное распределение ресурсов внутри домохозяйства⁴. Альтернативная точка зрения состоит в том, что ПСП на концептуальном уровне являются гендерно-нейтральными, а различные последствия для мужчин и женщин связаны с тем, что существуют исходные различия полов в уровне образования, квалификации, предпочтениях на рынке труда, предпочтениях в плане сочетания рыночных и нерыночных видов деятельности, которые в конечном итоге приводят к возрастанию гендерного неравенства.

Выявление «гендерного уклона» в ПСП привлекло внимание экономистов и специалистов по вопросам развития к анализу конкретных методик учета гендерного фактора при разработке социально-экономической политики и анализе ее последствий. За последние десятилетия был разработан ряд подобных методик, причем многие из них были апробированы на практике в развивающихся странах. В настоящей статье, которая носит обзорный характер, рассматривается несколько методик, иллюстрирующих различные подходы к интеграции гендерного измерения в планирование экономического развития.

2. ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОГРАММАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ КРИТЕРИЕВ

Принципиальное различие в методах включения гендерной составляющей в анализ социально-экономического развития связано в первую очередь с выбором ключевых критериев оценки гендерной политики. С этой точки зрения можно выделить несколько направлений и этапов в развитии представлений о целях и инструментах интеграции гендерного измерения в программы социально-экономического развития.

Исторически одним из первых подобных подходов стала политика, получившая название «Женщины и развитие» (Women in Development - WID), которая опирается на тезис о том, что вовлечение женщин в программы развития создаст возможности для

повышения экономической эффективности данных программ. Изначально основной целью этого подхода являлась разработка проектов и программ, нацеленных на достижение наиболее эффективного распределения и использования ресурсов. Вместе с тем, сильный крен на достижение эффективности во многих случаях приводит к тому, что вопросы обеспечения гендерного равенства остаются вне поля зрения разработчиков. Это обстоятельство стало основанием для серьезной критики со стороны гендерных исследователей в адрес политики WID. В ходе этой критики, в частности, неоднократно подчеркивалось, что подход «Женщины и развитие» не ставит своей задачей изменение существующих гендерных отношений. На практике это означало, что данный подход мог использовать весьма ограниченный набор инструментов воздействия, выбирая их из арсенала гендерно-нейтральной, либо гендерно-специфической политики. Еще одним принципиальным пунктом критики стал тот факт, что в рамках подхода WID вопрос о власти занимает подчиненное положение, а ведущим является вопрос о распределении и использовании ресурсов. В итоге политика «Женщины и развитие» может приводить в ряде случаев не столько к гендерному равенству, сколько, напротив, еще больше усиливать мужское доминирование. Так, например, подобная ситуация может иметь место в тех случаях, когда приоритеты экономической эффективности вступают в противоречие с приоритетом социальной справедливости. В реальной практике подобная дилемма эффективности и справедливости чаще всего наблюдается в тех странах, где имеют место значительные различия по степени вовлеченности мужчин и женщин в рыночную занятость.

Более продвинутый вариант включения гендера в программы развития представлен политикой, получившей название «Гендер и развитие» (Gender and Development – GAD). Этот тип политики в первую очередь делает акцент на обеспечении цели гендерного равенства в качестве одной из ключевых целей развития. В основе этого подхода лежит анализ отношений власти в обществе, и, в том числе отношений власти, складывающихся между мужчинами и женщинами. С позиций политики «Гендер и развитие» гендерные отношения рассматриваются как социально сконструированные, а не как природно заданные, что открывает возможность их потенциального реформирования (в том числе с использованием инструментов социально-экономической политики).

В 80-90-е годы большое развитие получила политика, названная «Gender Mainstreaming» - название, которое было описательно переведено на русский язык как «Комплексный гендерный подход». В рамках этого типа политики достижение гендерного равенства формулируется уже не в качестве некоторой специфической цели, а является как ключевой элемент всех программ и стратегических направлений развития. В соответствии с определением, сформулированным ООН, комплексный гендерный

подход подразумевает «...процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях»⁵. При таком подходе реальные практики и жизненные интересы мужчин и женщин должны быть учтены при выработке общей стратегии социально-экономического развития и конкретных программ развития во всех сферах жизни; при этом представители обоих полов должны иметь возможность в равной степени воспользоваться достижениями социально-экономического развития. Следует подчеркнуть, что подход «Gender Mainstreaming» имеет существенные отличия от двух ранее описанных подходов – здесь в качестве исходного пункта анализа выступает эмпирическое исследование конкретной гендерной ситуации в стране или регионе, а не некоторые априорные предположения о возможных проблемах женщин. Таким образом, в рамках этого подхода впервые намечается отход от универсалистской интерпретации всей гендерной проблематики и признается тот достаточно очевидный факт что реальные жизненные практики и потребности женщин и мужчин весьма существенно различаются по странам, регионам и социальным стратам.

Наконец, четвертое и последнее по времени возникновения направление гендерной политики получило название «Women's empowerment», что в переводе на русский обычно переводится как «расширение властных возможностей женщин». Исходный тезис данного направления состоит в том, что достижение гендерного равенства, рассматриваемое как одна из основополагающих целей развития, может быть реализовано только при условии расширения доступа женщин к властным ресурсам на различных уровнях. Адепты этого направления, сформировавшегося в среде женских неправительственных организаций, делают смысловой акцент на том обстоятельстве, что доступ к власти и участие в принятии решений представляют собой необходимые условия, дающие возможность превратить женщин из пассивных бенефициариев социально-экономической политики в равноправных участников социально-экономического развития. Добавим, что с точки зрения данного направления гендерной политики основной целью является не столько достижение женщинами более высокого властного статуса в обществе, сколько предоставление им достаточных ресурсов для достижения желаемого социального и экономического статуса.

Если отойти от описания "чистых" типов гендерной политики и обратиться к реальной практике ее реализации, то общая картина оказывается более сложной. Кэролайн Мозер (Caroline Moser) выделяет пять основных этапов в эволюции реальной гендерной политики международных организаций в период с 1950 года по настоящее время⁶.

Первый этап. *Целевой критерий: повышение благосостояния.* Этот подход был наиболее популярен в 50-70-е годы, однако широко используется и в настоящее время. Он рассматривает женщин как пассивных бенефициариев социальной части программ развития и признает в качестве социально значимой только их репродуктивную функцию. Основное внимание уделяется удовлетворению практических потребностей женщин как матерей (например, программы по улучшению питания, программы планирования семьи и пр.). В рамках этого подхода, как правило, не находят отражения вопросы подчиненного положения женщин в обществе и существующего гендерного разделения труда (и, тем более, проблемы власти).

Второй этап. *Целевой критерий: достижение равенства.* Этот подход представляющий собой одну из версий политики WID, получил широкое развитие в течение Десятилетия женщин с 1976 по 1985 г. Основная цель данного подхода – повышение уровня гендерного равенства. Женщины рассматриваются как активные участницы процессов развития. Социальная значимость признается не только за их репродуктивной ролью, но также и за выполнением ими профессиональных и иных социальных ролей. Основные инструменты воздействия связаны с прямым государственным вмешательством, направленным на достижение гендерного равенства. Этот подход не пользуется популярностью среди представителей политической элиты и лиц, принимающих решения (в том числе и на государственном уровне). Основная критика в его адрес связана с тем, что данная политика в явном виде транслирует ценности западного феминизма и рассматривается как содержащая явную угрозу социальному статусу мужчин.

Третий этап. *Целевой критерий: преодоление бедности.* По своей сути такой подход, получивший развитие в конце 70-х годов, представляет собой “смягченную” версию политики равенства WID. Исходная посылка опирается на тезис о феминизации бедности в мире, т.е. на тот факт, что доля женщин в составе беднейших слоев населения существенно выше, чем их доля в численности населения в целом. Отсюда основная цель данного подхода формулируется как создание возможностей для повышения благосостояния малообеспеченных женщин за счет роста производительности их труда. Таким образом, проблема феминизации бедности рассматривается в данном случае не с точки зрения подчиненного социального статуса женщин, а с позиций их более низких рыночных возможностей, а также отставания в накоплении человеческого капитала и в уровне производительности труда. Основные инструменты реализации этой политики направлены на расширение возможностей получения женщинами независимых доходов (обычно небольшие проекты, целью которых является обеспечение работой и заработками). Этот подход весьма популярен среди неправительственных женских организаций.

Четвертый этап. *Целевой критерий: повышение эффективности.* Этот подход получил наибольшее развитие в 80-х годы после долгового кризиса развивающихся стран. Он представляет собой третью и преобладающую в настоящее время версию политики WID. Основная цель формулируется как обеспечение более высокой экономической эффективности за счет вовлечения женщин в социально-экономическое развитие. Данный подход опирается на идею о множественности социальных функций женщин и признает социальную значимость как репродуктивного труда, так и профессиональной деятельности и деятельности по обеспечению интеграции на уровне локального сообществ (более подробное описание классификации социальных функций см. далее). Основная критика связана с тем, что в рамках этого подхода время, которым располагают женщины, рассматривается как “высокоэластичное”. Иными словами, предполагается, что в случае сокращения государственной и муниципальной социальной сферы женщины будут компенсировать это сокращение за счет домашнего труда, что фактически означает общее увеличение продолжительности рабочего времени. В рамках данного подхода расширение участия женщин в экономическом развитии напрямую ассоциируется с повышением гендерного равенства, расширением властных возможностей и участием в принятии решений, что весьма далеко от действительности. Тем не менее, несмотря на эти недостатки, подход широко популярен среди лиц, принимающих решения как на государственном, так и на международном уровне, поскольку в нем достаточно ярко выражена гендерно-нейтральная ориентация социальной политики.

Пятый этап. *Целевой критерий: расширение властных возможностей женщин (empowerment).* Этот подход является последним по времени своего возникновения и сформировался под определяющим влиянием женщин из развивающихся стран. В отличие от описанных ранее критериев, в этом случае основная задача сформулирована в терминах расширения объема власти, которой реально располагают женщины, что может быть достигнуто через поддержку их инициатив и повышение уверенности в собственных силах. Сторонники данного подхода утверждают, что для того, чтобы разрешить проблему подчиненного положения женщин, необходимы активные действия на различных уровнях. В явном виде признается ключевая роль вопроса о власти — подчеркивается, что для того, чтобы изменить свое положение в обществе, женщины должны расширить доступ к структурам принятия решений. Основные инструменты политики связаны с мобилизацией женщин “снизу”, т.е. посредством развития низовых женских организаций, повышения их социального статуса и расширения их участия в принятии решений на региональном и местном уровнях.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН И ГЕНДЕРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ: ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ

Развитие методологии гендерного подхода применительно к сфере социально-экономической политики привело к разработке целого ряда новых понятий и аналитических инструментов. В данном разделе мы остановимся только на двух из них, которые, с нашей точки зрения, принципиально важны для развития гендерной теории и практики планирования.

3.1. Классификация социальных функций мужчин и женщин

По мере эволюции целевых критериев социальной политики происходило последовательное углубление представлений о социальных ролях мужчин и женщин, и, что еще важнее, признание социальной значимости за теми из них, которые ранее находились вне сферы “социальной видимости”. Здесь мы вновь обратимся к работам Кэролайн Мозер, которая предложила использовать при анализе гендерного разделения труда концепцию тройственной социальной функции женщин. Данный подход принципиально отличается от традиционных экономических и демографических подходов, в которых акцент обычно сделан на производственной, либо репродуктивной роли женщин.

К. Мозер отмечает тот факт, что в подавляющем большинстве стран женщины в той или иной мере вовлечены в следующие виды деятельности:

- производственный труд;
- воспроизводственный (или репродуктивный) труд;
- работа по поддержанию социальной интеграции на уровне локального сообщества или социальной группы⁷.

В отличие от женщин, мужчины традиционно вовлечены лишь в два типа деятельности – производственную и интеграционную.

Как же определяется К.Мозер содержание репродуктивной деятельности (или репродуктивного труда)? По мнению Мозер *воспроизводственная деятельность* (репродуктивный труд) включает в себя следующие три составляющие:

- во-первых, собственно само воспроизводство человеческой жизни (т.е. рождение детей и уход за ними);
- во-вторых, деятельность, связанная с обслуживанием членов семьи (сюда включаются такие виды работ, как ремонт и стирка одежды, приготовление пищи, уход за больными и престарелыми и пр.);

- в-третьих, деятельность по поддержанию домохозяйства (в эту группу входят такие работы, как уборка помещения, обеспечение семьи водой, сбор топлива, разнообразные покупки, изготовление домашней утвари и пр.).

Мозер подчеркивает тот широко известный факт, что во всех обществах репродуктивный труд относится к числу наиболее трудоемких, он практически не имеет некоторые мя, наконец, он не имеет стандартных критериев оценки качества, и в связи с этим любая его оценка неизбежно воспринимается как сугубо субъективное мнение. Одновременно репродуктивный труд обладает воспринимается как низкостатусная деятельность, а нередко и вовсе не считается трудом, поскольку не имеет установленной денежной оценки.

Подчеркнем, что в последние десятилетия экономисты и социологи стали уделять репродуктивной деятельности существенно больше внимания, чем раньше. Так, например, в 90-е годы были разработаны методики, позволяющие дать косвенную стоимостную оценку некоторым видам репродуктивной деятельности (в первую очередь тем, для которых существуют конкретные рыночные аналоги – например, услуги по уборке, стирке, приготовлению пищи, уходу, личному обслуживанию членов семьи и пр.). Кроме того, были разработаны первые методики включения данных по репродуктивной деятельности в систему национальных счетов (в составе так называемых «спутниковых счетов» – "satellite accounts"). Вместе с тем, следует отметить, что после всплеска интереса к исследованию репродуктивного труда, который имел место во второй половине 90-х – начале 2000-х годов, в данной тематической области вновь наступил период затишья, а интересы исследователей переключились на иные проблемные области.

Производственная деятельность включает в себя как рыночное, так и натуральное производство. В первом случае речь идет о производстве товаров и услуг с целью продажи или обмена), во втором случае имеется в виду производство благ для целей собственного потребления. В производственную деятельность в той или иной мере вовлечены и мужчины, и женщины, однако практика большинства стран показывает, что этот вид деятельности как в товарной, так и в нетоварной части подчинен строгому гендерному разделению труда. Более того, в странах с незначительным по масштабам официальным сектором занятости и слабо развитыми рыночными отношениями отмечается тенденция к гендерной сегментации производственной деятельности: мужчины занимаются теми видами деятельности, которые имеют товарный характер, в то время как женщины постепенно вытесняются в нетоварный сектор⁸. Производственная деятельность традиционно является предметом экономического анализа в своей рыночной части; вместе с тем, оценка нерыночной части производственной деятельности представляет определенные методологические трудности, поскольку предполагает исполь-

зование косвенных систем стоимостного оценивания (по аналогии с воспроизводственной деятельностью).

Наконец, третий вид деятельности, выделенный К. Мозер, практически никогда не попадает в сферу внимания экономистов и политиков. Речь идет о *деятельности, связанной с поддержанием социальной интеграции на уровне локального сообщества или социальной группы ("local community")*. Интерес к этому виду деятельности традиционно проявляют в основном антропологи и культурологи, и, в меньшей степени, социологи. В эту категорию деятельности включается организация различных мероприятий, важных для локального социума мероприятий, таких, например, как праздники, церемонии, политическая деятельность на местном уровне, благотворительная деятельность, различные формы гражданской активности на местном уровне и пр. Социальная значимость этой деятельности не подвергается сомнению. Вместе с тем, несмотря на то, что интеграционная функция требует значительных затрат труда и времени, она практически никогда не является объектом экономического анализа (даже через использование методик косвенного оценивания). Этот вид деятельности, также как и производственная, характеризуется четко выраженным гендерным разделением труда. Исходя из сложившейся структуры разделения труда, К. Мозер выделяет два гендерно-специфичных типа интеграционной деятельности:

Первый тип – обеспечение повседневных потребностей сообщества. Сюда могут входить такие виды работ как обеспечение и распределение редких ресурсов (напр., вода), медицинское обслуживание и уход за больными (вне рамок собственной семьи), организация начального образования и пр. В эти работы в основном вовлечены женщины. Эта деятельность регулируется традицией, она не рассматривается как профессиональная, выполняется в “свободное” время и практически никогда не оплачивается.

Второй тип – участие в политической деятельности на местном уровне. В эту работу вовлечены преимущественно мужчины; иногда эта деятельность оплачивается в денежной форме, иногда вознаграждается иными способами, однако в любом случае способствует повышению социального статуса участников, и в потенциале может приобретать статус профессионального занятия.

3.2. Практические и стратегические гендерные потребности

Классификация гендерных потребностей, предложенная К. Мозер⁹, опирается на концепцию женских гендерных интересов, сформулированную Максин Мулино¹⁰ в 1985 году. Идея М. Мулино и К. Мозер заключается в том, что женщины могут быть рассмотрены в качестве отдельной социально-демографической группы, которая имеет собственные потребности и интересы, отличающиеся от потребностей и интересов

мужчин. Различие гендерных потребностей мужчин и женщин обусловлено тем, что, во-первых, женщины выполняют тройную функцию, и, во-вторых, в большинстве обществ они занимают подчиненное социальное положение. По аналогии с подходом М. Мулино, К. Мозер выделяет два типа гендерных потребностей.

Практические гендерные потребности – это такие, удовлетворение которых облегчает женщинам выполнение их повседневной бытовой деятельности. Социально-экономические программы, направленные на обеспечение практических гендерных потребностей, отвечают непосредственным сегодняшним нуждам людей. Удовлетворение этих потребностей не приводит к повышению статуса женщин в обществе, хотя именно подчиненное положение женщин рассматривается исследователями как одна из главных причин возникновения практических потребностей. В число конкретных мер, направленных на обеспечение данного типа потребностей, могут входить такие как:

- обеспечение водой и питанием;
- предоставление медицинских услуг;
- предоставление работы и возможностей получения заработка;
- помощь в жилищном строительстве и пр.

Стратегические гендерные потребности – те, удовлетворение которых способствует снижению существующего дисбаланса власти между мужчинами и женщинами. Стратегические гендерные потребности женщин обусловлены их подчиненным статусом в обществе. Эти потребности имеют непосредственное отношение к гендерному разделению труда, власти и ответственности, а их удовлетворение требует серьезных институциональных (в том числе законодательных) изменений. В число мер, направленных на обеспечение стратегических гендерных потребностей, могут входить следующие:

- изменение существующего гендерного разделения труда;
- облегчение женщинам выполнения их повседневных домашних обязанностей, а также обязанностей по уходу за детьми и другими членами семьи;
- ликвидация форм дискриминации, институционально закрепленных на уровне законодательства (например, тех статей национального законодательства, которые обеспечивают преимущества для мужчин);
- предоставление женщинам услуг в сфере охраны репродуктивного здоровья, в частности, услуг по регулированию рождаемости;
- меры, направленные на предотвращение насилия в отношении женщин со стороны мужчин.

Разграничение практических и стратегических гендерных потребностей было положено в основу типологии гендерной политики, разработанной в 1992 г. Наилой Ка-

бир (Naila Kabeer). В рамках этой типологии выделяются два основных типа и несколько подтипов¹¹.

Первый тип – гендерно-нечувствительная политика (дословно: "гендерно-слепая" – *gender-blind policy*). В рамках этой политики не признается важность гендерных различий и необходимость их учета при разработке социально-экономической политики. Предлагаемые меры воздействия фактически воспроизводят существующие гендерные отношения и, таким образом, закрепляют "мужской крен" в социально-экономической сфере.

Второй тип – гендерно-чувствительная политика. Подчеркивается, что женщины, как и мужчины, являются участниками процессов развития, однако имеют в этом отношении более ограниченные возможности (и в качестве акторов, и в роли бенефициариев). Вследствие этого женщины могут иметь отличающиеся (а иногда и прямо противоположные) потребности, интересы и приоритеты в социально-экономической сфере.

Гендерно-чувствительная политика подразделяется на несколько подтипов: гендерно-нейтральная политика, гендерно-специфическая и гендерно-перераспределительная. Охарактеризуем их основные особенности.

Гендерно-нейтральная политика предполагает в качестве отправной точки учет конкретных форм и масштабов гендерного неравенства. Ее конечная цель состоит в том, чтобы преодолеть гендерную асимметрию социально-экономического развития. Непосредственная задача подобной политики, как правило, ограничивается удовлетворением практических гендерных потребностей для обоих полов. Гендерно-нейтральная политика не затрагивает основ существующего гендерного разделения труда, распределения власти, ресурсов и ответственности.

Гендерно-специфическая политика, также как и гендерно-нейтральная, реализуется в рамках существующего гендерного разделения труда и распределения власти и ответственности. Однако, в отличие от предыдущего типа, она имеет выраженный целевой характер и включает различные по содержанию меры, адресованные каждому полу в отдельности. Эта политика, как и гендерно-нейтральная, не выходит за рамки удовлетворения практических гендерных потребностей мужчин, либо женщин.

Гендерно-перераспределительная политика включает такие меры, которые направлены на создание более сбалансированной системы гендерных отношений. В качестве целевых групп, которым адресованы меры перераспределительной политики, могут выступать либо оба пола, либо представители только одного из полов. В отличие от всех вышеописанных типов, гендерно-перераспределительная политика ставит задачей удовлетворение стратегических гендерных потребностей. При этом она может быть направлена и на конкретные практические потребности, однако через такие меры воз-

действия, которые имеют трансформационный потенциал, т.е. способствуют достижению более высокого уровня гендерного равенства и расширения властных возможностей для женщин.

Безусловно, в реальной практике вышеописанные типы крайне редко существуют в “чистом виде”. Вместе с тем, анализ конкретной социально-экономической политики с точки зрения данной типологии позволяет дать прогноз возможных гендерных последствий планируемых мер на перспективу. Ниже мы более подробно остановимся на описании нескольких конкретных методик, соответствующим различным типам гендерной политики.

4. ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПРОГРАММАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В данном разделе мы кратко рассмотрим методики гендерного анализа социально-экономической сферы, разработанных в рамках следующих методологических парадигм:

- гендерно-нейтральной (Гарвардская аналитическая модель);
- гендерно-перераспределительной (Концепция расширения властных возможностей женщин);
- институциональной (Концепция АСО - Анализ социальных отношений);
- культурно-преобразовательной (Матрица гендерного анализа).

4.1. Гарвардская аналитическая модель (ГАМ): пример гендерно-нейтрального подхода

Гарвардская аналитическая модель с полным правом может быть названа одной из первых попыток предложить методологический подход к анализу социального и экономического развития с включением гендерного фактора. Эта модель была разработана исследователями Гарвардского института международного развития совместно со специалистами Агентства по международному развитию США (USAID)¹².

Цель данного подхода – помочь лицам, принимающим решения, более эффективно планировать деятельность в рамках конкретных программ развития и повысить общую эффективность реализуемых проектов. Основной принцип ГАМ – сбор информации на микроуровне о деятельности и ресурсах, которыми располагают мужчины и женщины. Далее эта информация систематизируется в виде ряда таблиц, описывающих виды деятельности и ресурсы в бинарной форме (участвуют – не участвуют, располагают – не располагают). ГАМ включает в себя четыре базовые аналитические инструмента:

1. *Матрица, отражающая степень участия женщин и мужчин в различных видах деятельности.* В этой матрице отражены все виды деятельности (как производственной, так и репродуктивной), которые представляют важность с точки зрения планируемого проекта (структура представления информации в ГАМ приведена в приложении 1).

2. *Матрица, характеризующая доступ мужчин и женщин к ресурсам и контроль над ними.* Здесь фиксируется, имеют ли мужчины и женщины доступ к ресурсам, кто контролирует их использование, и кто контролирует выгоды, получаемые индивидами, домохозяйствами или местным сообществом от использования ресурсов. Понятие "доступ к ресурсам" означает, что тот или иной субъект социально-экономических отношений имеет возможность воспользоваться ресурсом; понятие "контроль над ресурсом" предполагает возможность оказывать реальное воздействие на принятие решений в отношении данного ресурса.

3. *Матрица факторов влияния.* В этой матрице фиксируются факторы, оказывающие влияние на гендерное разделение труда, доступ и контроль над ресурсами. Факторы влияния включают в себя:

- социальные нормы (в том числе характерные для определенных сообществ или социальных групп) и особенности социальной иерархии (в частности, доминирующий тип семьи и семейных отношений, организация и структура местных сообществ, культурные практики и религиозные верования);
- демографические характеристики;
- институциональные структуры, включая государственное управление, систему образования и в целом систему распространения информации и технологий;
- общеэкономические характеристики, в том числе: уровень инфляции, уровень бедности, показатели, характеризующие распределение доходов, развитие производственной и социальной инфраструктуры, масштабы и формы включения в систему международной торговли;
- внутри- и внешнеполитический контекст;
- образование и профессиональная подготовка.

4. *Специальный вопросник, разработанный с целью выявления гендерного измерения и используемый в процессе разработки и реализации программ социально-экономического развития.*

Цель вопросника – помочь разработчику проанализировать свой проект или область исследования с точки зрения гендерных отношений. Вопросник включает четыре серии вопросов, касающиеся учета гендерного измерения на каждом этапе работы над проектом – идентификации целей, разработки самого проекта, его реализации и оценки результатов.

Достоинства и недостатки Гарвардской аналитической модели. Практика использования ГАМ показала, что она обладает как серьезными достоинствами, так и целым рядом недостатков. В числе достоинств следует упомянуть, в первую очередь, тот факт, что ГАМ опирается на гендерно-нейтральный подход. Это обстоятельство оказывается принципиально важным в тех случаях, когда вопросы интеграции гендерного измерения в программы социально-экономического развития обсуждаются в кругу профессиональных экономистов и политиков, для которых соображения эффективности и оптимального использования ресурсов являются одними из наиболее убедительных аргументов. В этих случаях методика ГАМ, исходящая из описания фактической ситуации, и не предлагающая каких-либо априорных критериев оценивания, оказывается одним из наиболее эффективных инструментов.

Благодаря дифференцированному учету производственных и воспроизводственных видов деятельности данная модель дает адекватное представление о гендерном разделении труда, обеспечивает аналитическую “видимость” женского труда и женского вклада в экономику. ГАМ удобна в практическом использовании и может быть легко адаптирована к решению конкретных задач.

Вместе с тем, в адрес ГАМ высказывается и немало критических замечаний, связанных как с самим содержанием модели, так и с используемыми аналитическими инструментами. Начнем с содержательной критики ГАМ. Во-первых, ГАМ опирается на излишне упрощенную (“материалистическую”) трактовку человеческого поведения. За инструментами ГАМ стоит логика поведения рационального индивида, принимающего решения исходя из экономических соображений. При этом фактически игнорируется необходимость анализа гендерной культуры данного общества, а также гендерной культуры институтов, которые разрабатывают и осуществляют программы развития. Неявно предполагается, что эти институты являются гендерно-нейтральными. Однако практика, показывает, что это далеко не так.

Во-вторых, в концептуальном плане ГАМ исходит из принципов политики WID, т.е. утверждает приоритет эффективности, а не социальной справедливости. Поэтому целый ряд важных моментов остается за рамками анализа – в частности, вопросы гендерной структуры власти, динамики гендерных отношений и некоторые другие. Например, в странах, где женщины играют очень незначительную роль в товарном производстве, логика эффективности, заложенная в Гарвардской модели, подталкивает к тому, чтобы разрабатывать программы развития, ориентируясь преимущественно на мужчин, поскольку это самый короткий путь к повышению денежных доходов семей. Однако подобный путь не гарантирует того, что женщины автоматически получат

большой доступ к возросшим доходам семьи, также как и того, что баланс власти в отношениях между полами сдвинется в сторону большего равновесия.

И наконец, в-третьих, в Гарвардской аналитической модели фактически остается за скобками вопрос о том, почему же гендерные отношения формируются именно как *отношения неравенства*. В результате выяснение причин подчиненного положения женщин остаются за пределами внимания исследователей. Вместе с тем, сами аналитические инструменты, предложенные в данной модели, вполне могут быть успешно использованы в качестве исходной точки при исследовании проблемы - в частности, через изучение аспекта доступа к ресурсам и контроля над ними.

Методологическая критика Гарвардской модели связана, в первую очередь, с тем обстоятельством, что данная модель была разработана как гендерно-нейтральный инструмент, основное предназначение которого – это сбор и анализ имеющейся информации. Именно этими причинами объясняется очень высокая формализация модели и практическое отсутствие в ней переменных, которые были бы «неудобны» для формализации – например, социокультурных. Еще один пункт критики связан с тем, что все матрицы ГАМ устроена по бинарному принципу (т.е. в заполняются терминах “да” – “нет”), что не дает возможности уловить реальную сложность и внутреннюю взаимосвязь тех проблем, которые являются объектом изучения. Кроме того, в Гарвардской модели игнорируются любые иные основания неравенства, за исключением пола (так, например, за пределами модели остаются вопросы расовой, этнической и классовой принадлежности). Женщины и мужчины сопоставляются в модели как внутренне однородные группы, что также является весьма далеким от реальности предположением. Между тем, даже в одной и той же социокультурной группе внутриполовые различия могут быть очень велики (например, статус первой и второй жены, статус свекрови и невестки, статус главы крестьянского хозяйства и взрослого неженатого сына и пр.). Одновременно из поля зрения выпадают такие вопросы как гендерное разделение и кооперация труда на уровне домохозяйства и локального сообщества¹³. Наконец, матрица видов деятельности, используемая ГАМ, не включает деятельности по обеспечению социальной интеграции.

Вместе с тем, благодаря своей идеологической нейтральности и легкой адаптации к целям и задачам конкретной программы, данная модель продолжает достаточно широко использоваться в практике социально-экономического планирования, несмотря на многочисленные критические замечания в ее адрес.

4.2. Модель расширения властных возможностей для женщин (*Women's Empowerment Framework*): пример гендерно-перераспределительного подхода

Данная аналитическая модель была предложена Сарой Лонгви (Sara Longwe), консультантом по проблемам гендера и развития, работающим в Лусаке (Замбия). Цель модели состоит в том, чтобы помочь разработчикам программ социально-экономического развития выявить конкретное содержательное наполнение понятия “empowerment”, а также оценить, в какой мере предлагаемые меры будут способствовать этому процессу.

Категория “*расширение властных возможностей женщин*” определяется Сарой Лонгви как определенный процесс, который позволяет женщинам в равной степени с мужчинами принимать участие в социально-экономическом развитии и получать равный с мужчинами контроль над факторами производства¹⁴.

Как подчеркивает С. Лонгви, большинство исследований по проблемам развития концентрирует внимание на том, в какой степени удалось добиться равенства полов в таких сферах, как образование, занятость, здравоохранение. В итоге неизбежно упускается из виду вопрос об интегральной оценке роли женщин в процессах социально-экономического развития. “Развитие” понимается автором как процесс, расширяющий жизненные возможности людей и позволяющий преодолеть бедность. Основную причину бедности С. Лонгви усматривает не в низком уровне производительности труда, а в существовании структур эксплуатации и угнетения, в том числе по признаку пола.

Модель Лонгви опирается на использование нескольких аналитических инструментов, основными из которых являются понятие *гендерного равенства* и понятие *социальной значимости “женских проблем”*.

Операционализация понятия “гендерное равенство”. В модели Ю предложенной Сарой Лонгви, вводится важное представление о пяти уровнях гендерного равенства, которые и определяют масштаб властных возможностей женщин. Эти уровни упорядочены в виде иерархии и взаимосвязаны между собой таким образом, что переход на следующий уровень одновременно означает и увеличение гендерного равенства, и расширение властных возможностей женщин.

Рассмотрим, каким образом С. Лонгви интерпретирует содержание каждого уровня равенства.

Первый уровень – “*благосостояние*”. Лонгви интерпретирует этот уровень равенства как материальное благосостояние женщин в сравнении с мужчинами (в первую очередь в отношении таких видов ресурсов как продовольствие, денежные доходы и медицинское обслуживание).

Второй уровень – “доступ”. Эта категория определяется как равная доступность для мужчин и женщин к основным факторам производства – земле, труду, капиталу (конкретно речь может идти, например, о доступе к получению кредитов), а также к сетям снабжения и реализации, обучению и профподготовке, общественным услугам и пр. Лонгви подчеркивает, что равенство доступа достигается на основе принципа равных возможностей, что, как правило, требует реформирования законодательства и административных процедур, чтобы исключить проявления дискриминации в отношении женщин.

Третий уровень – “осознание”. Это понятие интерпретируется как понимание различий между полом и гендером и убежденность в том, что гендерные роли культурно детерминированы, а, следовательно, могут быть изменены. Понятие “осознание” включает также идею о том, что гендерное разделение труда не должно приводить к доминированию (политическому и/или экономическому) одного пола над другим – т.е. должно быть справедливым и приемлемым для обоих полов.

Четвертый уровень – “участие”. Смысл этого понятия определяется как равенство женщин и мужчин в плане участия в выработке политики, планировании и управлении, и в целом в процессах принятия решений. “Участие” представляет собой исключительно важный аспект разработки и реализации любых программ и проектов развития. В модели Лонгви “равное участие” интерпретируется как пропорциональная представленность женщин в структурах принятия решений на различных уровнях.

Пятый уровень – “контроль”. Это понятие обозначает степень, в которой женщины осуществляют контроль над принятием решений в отношении факторов производства, а также в отношении распределения выгод, полученных от использования ресурсов. Равный контроль по сути дела означает сбалансированность между теми возможностями контроля, которыми располагают женщины и мужчины, т.е. ситуацию, при которой ни один пол не имеет возможности оказывать определяющее влияние на принятие решений.

Операционализация понятия “социальная значимость женских проблем”. В модели Лонгви есть и второй важный аналитический инструмент - это категория, названная автором «социальная значимость женских проблем». С. Лонгви предлагает собственное определение категории “женских проблем”: по ее мнению, сюда должны быть включены все проблемы, касающиеся вопросов равенства женщин с мужчинами на всех уровнях гендерного равенства и во всех сферах социально-экономической жизни. Таким образом, категория “женских проблем” оказывается значительно шире, нежели традиционное представление о женских социальных ролях. Иными словами,

любое явление социально-экономической жизни может стать “женской проблемой”, если в отношении него констатируется наличие гендерного неравенства.

Определив категорию “женских проблем”, С. Лонгви выделяет три уровня признания их социальной значимости при разработке социально-экономической политики:

Негативный уровень. Социально-экономическая политика, относящаяся к этому уровню, вообще не включает женскую проблематику в перечень целей и задач. Как показывает опыт, в результате реализации подобных мер положение женщин может даже ухудшаться.

Нейтральный (или консервативный) уровень. На уровне целей и задач формально признается значимость женской проблематики; тем не менее, необходимы специальные усилия для того, чтобы в результате реализации программных мер положение женщин не ухудшилось.

Позитивный уровень. В этом случае женская проблематика должна быть в явном виде включена в перечень целей и задач социально-экономической политики; при этом предусматривается более значительное улучшение положения женщин по сравнению с мужчинами в результате реализации проекта/программы.

Таким образом, предлагая оригинальную операционализацию понятий “гендерное равенство” и “социальная значимость женских проблем”, С. Лонгви приходит к созданию комплексного аналитического инструмента, позволяющего формализовать процедуру гендерной экспертизы социально-экономической политики (включая конкретные проекты и программы развития).

Таблица 1.

Формальные инструменты гендерной экспертизы социально-экономической политики в модели С. Лонгви*

Уровень признания	<i>Негативный</i>	<i>Нейтральный</i>	<i>Позитивный</i>
Уровень равенства			
<i>Контроль</i>			
<i>Участие</i>			
<i>Осознание</i>			
<i>Доступ</i>			
<i>Благосостояние</i>			

*Клетки матрицы заполняются, по аналогии с Гарвардской аналитической моделью, в бинарной системе (“да” – “нет”).

Достоинства и недостатки Модели расширения властных возможностей для женщин. Положительные и отрицательные стороны модели С. Лонгви непосредственно связаны с целями разработки данной модели и сферой ее применения. Модель может быть использована для оценки результатов конкретных проектов и программ развития, проведения их текущего мониторинга. Еще одна область, в которой широко применяется модель С. Лонгви, – это проведение тематических тренингов по вопросам расширения властных возможностей женщин. В рамках учебных программ модель может быть использована как для оценки уже реализованных программ, так и для прогнозирования возможных последствий социально-экономической политики.

В качестве положительных особенностей данной модели следует, прежде всего, отметить расширение представления о гендерных потребностях¹⁵. В отличие от достаточно жесткого разграничения практических и стратегических гендерных потребностей, предложенного К. Мозер, в модели Лонгви процесс социально-экономического развития рассматривается как содержащий одновременно и “практические” и “стратегические” элементы. Переход от практического уровня к стратегическому определяется тем, в какой мере планируемые меры социально-экономической политики могут способствовать повышению гендерного равенства и расширению властных возможностей женщин. В отличие от Гарвардской модели модель Лонгви позволяет программным аналитикам и специалистам по проблемам развития выявить трансформационный потенциал планируемых мероприятий. С учетом этого обстоятельства данная модель с полным правом может быть отнесена к гендерно-перераспределительному подходу. Кроме того, данная модель дает в руки исследователей серьезные аналитические инструменты, позволяющие выявить разрывы между реальными результатами социально-экономических программ и формально декларируемыми целями. Благодаря этому она с успехом используется неправительственными женскими организациями при проведении независимой гендерной экспертизы программ развития.

Остановимся на содержательной и методологической критике, высказываемой в адрес модели Лонгви. Во-первых, аналитики подчеркивают, что модель дает весьма ограничительное толкование гендерных отношений, которые описываются только в терминах равенства/неравенства. Между тем, эти отношения могут быть охарактеризованы с различных позиций, в частности, с точки зрения прав, ответственности, власти. Во-вторых, данная модель, как, впрочем, и ГАМ, фактически рассматривает всех женщин как однородную группу, что исключает возможность дифференцированного анализа интересов и потребностей различных групп женщин. В-третьих, выстраивание уровней гендерного равенства в форме строго иерархической структуры способствует

тому, что процесс расширения властных возможностей воспринимается как строго линейный, что нельзя признать вполне соответствующим реальности. К тому же иерархия уровней равенства не всегда позволяет корректно соотнести значимость различных видов ресурсов с процессом расширения властных возможностей. В частности, “контроль” над малозначимыми ресурсами может в этом случае рассматриваться как обеспечивающий больший вклад в расширение властных полномочий, чем “доступ” к более важным ресурсам (например, “контроль” в отношении земельного инвентаря может интерпретироваться как более важный фактор расширения властных возможностей, чем “доступ” к земельным ресурсам). Наконец, в практическом плане идеологическая ангажированность данной модели делает ее малоприменимой в ситуациях, когда разработчики недостаточно подготовлены и мотивированы в отношении расширения властных возможностей для женщин. Кроме того, модель Лонгви сложно использовать при работе в группах, состоящих из представителей обоих полов, поскольку анализ ограничивается исключительно женской проблематикой, а потребности и интересы мужчин выпадают из поля зрения. В целом модель Лонгви не может рассматриваться как самостоятельный и “законченный” аналитический инструмент и должна использоваться в сочетании с другими методиками анализа.

4.3. Анализ социальных отношений (АСО): пример институционального подхода.

Данный подход был разработан Наилой Кабир (Naila Kabeer)¹⁶ – сотрудницей Института изучения проблем развития Университета Сассекса (Великобритания) Анализ социальных отношений (АСО) был неоднократно использован в практике развивающихся стран при разработке программ социально-экономического развития.

АСО ставит целью анализ существующего гендерного неравенства в распределении ресурсов, ответственности и власти, а также разработку социально-экономической политики, которая позволит женщинам стать активными агентами процесса социально-экономической трансформации. Этот подход делает акцент не столько на использовании формальных инструментов анализа, сколько на разработке некоторых понятий, позволяющих сфокусировать внимание на социальных отношениях и роли социальных институтов в их формировании.

АСО опирается на три концептуальные основания:

- концепцию развития как достижения более высокого уровня благосостояния;
- концепцию социальных отношений;
- институциональный анализ;

Концепция развития. В рамках АСО “развитие” понимается в первую очередь как повышение благосостояния людей. При этом благосостояние интерпретируется как понятие, включающее в себя обеспечение выживания, безопасности и автономии. Понятие автономии нуждается в некотором пояснении – “автономия” определяется как способность индивида в полной мере участвовать в принятии индивидуальных и коллективных решений, которые касаются его собственного выбора и определяют его жизненные шансы.

Исходя из подобного понимания развития, модель АСО предлагает более широкую интерпретацию понятия “производство”, которое включает не только производство рыночных благ и услуг, но также все те виды деятельности, которые способствуют человеческому благосостоянию, в частности:

- деятельность по поддержанию и воспроизводству рабочей силы (домашний труд, уход за больными и престарелыми);
- деятельность по самообеспечению (натуральное производство), в которую активно включены бедные слои населения;
- деятельность по поддержанию окружающей среды, обеспечивающей жизненные ресурсы на перспективу.

Концепция социальных отношений. Н. Кабир использует понятие “социальные отношения” для описания структурных отношений, которые создают и воспроизводят систематические социальные (статусные) различия в положении разных групп населения. Социальные отношения порождают сложную систему взаимосвязанных форм неравенства, которые, в свою очередь, определяют позицию каждого индивида в социальной структуре данного общества. Гендерные отношения представляют собой одну из форм социальных отношений; помимо гендера основания формирования социальных отношений являются также классовая, расовая, этническая принадлежность.

Социальные отношения не являются неизменными, они постоянно реструктурируются под воздействием макроэкономических и макросоциальных изменений. Именно социальные отношения задают реальный объем формальных прав и реальных ресурсов, которыми располагают люди, а также масштабы их контроля в отношении собственной жизни и жизни других людей. Так, например, рассматривая вопрос бедности, Н. Кабир отмечает, что бедность представляет собой особую форму неравенства, которая возникла на основе определенных социальных отношений, и это, в свою очередь, формирует целый ряд других форм неравенства, таких как, например, неравенство возможностей реализовывать свои права, неравный доступ к ресурсам, неравные масштабы ответственности. Бедные группы населения (и в особенности женщины, при-

надлежащие к бедным слоям), нередко не могут получить фактический доступ к распределению основных ресурсов (таких как система оплачиваемой занятости, денежные доходы, кредит, социальное обеспечение и пр.). В итоге малообеспеченные группы населения вынуждены выстраивать свои стратегии выживания, опираясь на специфический круг жизненных ресурсов, причем большинство этих ресурсов находится за рамками сферы рыночных отношений – например, по максимуму использовать возможности, предоставляемые сетями родственной социальной взаимопомощи, включая натуральный обмен.

Нередко бедное население может получить доступ к рыночным ресурсам только через социальные отношения, основанные на патернализме и зависимости. В частности, такие отношения могут складываться между крестьянами и скупщиками готовой продукции, предлагающими заниженные цены, но обеспечивающими сбыт продукции, в том числе и в периоды экономического спада. В рамках подобных отношений происходит своеобразный “обмен” индивидуальной независимости на социальную и личную защищенность¹⁷. Поэтому целью социально-экономической политики должна быть поддержка тех видов социальных отношений, которые строятся на основах солидарности и взаимности и повышают уровень автономии как отдельных индивидов, так и определенных социальных групп.

Институциональный анализ. Н. Кабир определяет социальный институт как свод правил для достижения некоторых социальных и экономических целей. Институты обеспечивают формирование, развитие и воспроизводство социальных отношений и таким образом создают и закрепляют социальные различия и социальное неравенство. Социальные институты существуют в форме специфических структурных образований (организаций).

В рамках модели АСО рассмотрены следующие основные социальные институты – государство, рынок, локальное сообщество ("local community"), и, наконец, семья (или родственный клан).

Н. Кабир ставит под сомнение два наиболее распространенных мифа, связанные с функционированием социальных институтов, на которые во многих случаях опирается реальная практика планирования: (а) что социальные институты сформированы как идеологически нейтральные структуры; и (б) что каждый социальный институт может быть рассмотрен как изолированная структура, которая не меняется при изменении других социальных институтов.

Рассматривая миф об идеологической нейтральности, Н. Кабир подчеркивает, что каждый институт имеет “официальную” идеологию, которая пронизывает всю его политику. Эти идеологемы в основном касаются целей, которые преследуются социальными институтами и могут быть описаны следующим образом:

Государство – имеет целью защиту национальных интересов и национального благосостояния;

Рынок – имеет целью максимизацию прибыли;

Локальное сообщество (включая сектор неправительственных организаций) – выполняет функцию предоставления нерыночных услуг;

Семья/родственный клан – это сфера альтруизма, она построена на отношениях кооперации и неконфликтна.

Таблица 2.

Организационные формы основных социальных институтов

<i>Основные социальные институты</i>	<i>Организационные/структурные формы</i>
Государство	<i>Законодательные, военные, административные организации</i>
Рынок	<i>Фирмы, финансовые корпорации, фермы, транснациональные корпорации и пр.</i>
Локальное сообщество	<i>Деревенский сход, добровольные объединения, неформальные социальные сети, отношения патронажа и клиентелы, неправительственные организации</i>
Семья/родственный клан	<i>Домохозяйство, расширенная семья, родственные кланы и группы и пр.</i>

Анализируя миф о независимости социальных институтов, Н. Кабир подчеркивает, что вопреки распространенным представлениям, социальные институты взаимозависимы, и изменения в политике и практиках одного из них будут вызывать взаимосвязанные изменения других институтов. Хороший пример подобного типа дают программы, обеспечивающие расширение рыночных возможностей для какой-либо части населения – например, связанные с увеличением выращивания товарного зерна, в котором заняты в основном мужчины. При этом взаимосвязанные изменения затрагивают и институт семьи, поскольку расширяются возможности получения дополнительного дохода у части членов семьи и увеличивается совокупный денежный доход. Между тем, при разработке и реализации программ развития подобные дополнительные эффекты крайне редко принимаются во внимание.

Операционализация понятия “социальные отношения” в модели АСО. Поскольку модель АСО в меньшей степени использует формализованные техники анализа по сравнению с ранее рассмотренными методиками, для нее особенно важна аналитическая операционализация ключевых понятий. Это касается, в первую очередь, понятия

“социальные отношения”. АСО опирается на идею о том, что существует пять различных, но взаимосвязанных аспектов социальных отношений, которые могут быть выявлены в *любом* социальном институте: внутренние правила, практическая деятельность, распределения ресурсов, персонал, структуры власти и контроля. Таким образом, смысл гендерного институционального анализа в модели АСО заключается в том, чтобы исследовать конкретные внутренние практики социальных институтов с точки зрения их гендерной составляющей.

Операционализация причинно-следственных взаимосвязей в модели АСО. Эта аналитическая процедура используется на этапе предпрограммной проработки мер социально-экономической политики и предполагает выявление непосредственных, косвенных (латентных) и структурных факторов, которые обуславливают существование тех или иных проблем. При этом анализ причин и возможных последствий социально-экономических мер должен проводиться применительно к каждому из основных социальных институтов.

Итоговые результаты анализа обычно представляются в табличном виде; при этом в таблицу вносится содержательная информация качественного характера (в отличие от ранее рассмотренных моделей, где заполнение идет в бинарной форме). Пример заполнения матрицы АСО приведен в приложении 2.

Достоинства и недостатки Анализа социальных отношений. В числе основных достоинств данного подхода аналитики отмечают, что рассматриваемая модель дает в распоряжение исследователей схему анализа определенной проблемы, затрагивающую все институциональные уровни, что дает возможность проследить конкретную эволюцию взаимосвязанных изменений в социальных институтах. Подобный многомерный подход позволяет углубить понимание и интерпретацию таких проблем, как отстраненность от процессов принятия решений и от власти в целом, гендерное неравенство, подчиненное положение женщин в обществе, бедность. Методика АСО создает основу для включению категории «гендер» и «гендерные отношения» в общую концепцию социально-экономического развития, что позволяет использовать данный подход при разработке программ, адресованных как женщинам, так и мужчинам. И наконец, благодаря высокой методологической корректности и отсутствию априорной идеологической ангажированности выводы, полученные на базе использования АСО, могут быть успешно применены в ходе разработки мер социально-экономической политики, а также в переговорной практике.

Среди критических замечаний в адрес модели АСО обычно упоминают, что в рамках данного подхода несколько размыты собственно гендерные различия, поскольку аналитическая категория гендера в данном случае оказывается включенной в проявление иных форм неравенства (расовое, классовое, этническое, религиозное и пр.). Во-вторых, определенную критику вызывает и определение самого понятия «социальный институт», использованное в данной модели. Так, например, исследователи отмечают, что включение местных сообществ («local community») в перечень социальных институтов нельзя признать вполне корректным, поскольку это социальный институт несколько иного уровня, чем рынок или государство. В-третьих, в модели АСО недостаточное внимание уделяется организациям, сформированным в рамках социальных институтов, что создает ложное впечатление о социальных институтах как внутренне однородных структурах. И, наконец, сложность и изначальная многомерность институционального анализа создает определенные затруднения при его практическом использовании, как в плане сбора необходимой аналитической информации, так и в плане понимания и интерпретации самих аналитических категорий.

4.4. Матрица гендерного анализа (МГА): пример культурно-преобразовательного подхода

Матрица гендерного анализа (МГА) была разработана в начале 90-х годов Рани Паркер (Rani Parker)¹⁸ с целью выявить дифференцированное влияние программ социально-экономического развития на положение женщин и мужчин. МГА основывается на следующих принципах:

- вся информация, необходимая для гендерного анализа, в принципе известна представителям социальных групп, которые являются объектом программного воздействия;
- гендерный анализ не требует обязательного привлечения внешних экспертов; он может быть успешно осуществлен самими членами целевой группы;
- гендерный анализ выступает в роли стимула к изменениям в социально-экономической политике только в том случае, если он осуществляется членами самой группы, которая является объектом программного воздействия.

Заполнение матрицы гендерного анализа происходит в ходе коллективного обсуждения проблем представителями заинтересованных групп населения (т.е. тех, на которые ориентирована программа), причем соблюдается принцип равного представительства мужчин и женщин. На первоначальных этапах в обсуждении обычно принимают участие эксперты и разработчики программы. В дальнейшем сами члены группы успешно справляются с этим и без внешней помощи.

МГА может быть использована на различных стадиях разработки и реализации социально-экономических программ. На стадии концептуальной проработки МГА позволяет оценить, насколько желательными являются гендерные последствия, ожидаемые в результате реализации программы, и в какой степени гендерный эффект соответствует общим целям программы. На стадии конкретизации целей, задач и инструментов программы МГА дает возможность оценить гендерные последствия, и в случае необходимости внести необходимые изменения в формулировку целей и выбор инструментов программного воздействия. На стадии мониторинга программы и оценки их эффективности использование МГА позволяет оценить фактический гендерный эффект с точки зрения более широкого социально-экономического и политического контекста.

Операционализация понятия “гендерные последствия социально-экономической политики” в модели МГА. Основная цель модели МГА – это изучение гендерных последствий конкретных программ развития. При этом операционализация категории «гендерные последствия» в данном случае производится через разложение исходного понятия по двум содержательным осям.

Первая содержательная ось указывает тот социальный уровень, на котором имеет место проявление гендерных последствий. В модели МГА рассматриваются четыре подобных уровня: женщины в целом (т.е. как социально-демографическая группа); мужчины в целом; домашние хозяйства; локальное сообщество в целом (или специфическая социальная группа, если ее включение признано обоснованным по содержательным соображениям). Кроме того, методика допускает и включение некоторых дополнительных аналитических уровней, в частности, социальных групп, выделенных по критериям возраста, этнической принадлежности и пр..

Вторая содержательная ось указывает на область проявления гендерных последствий. В модели МГА выделены четыре такие сферы - это сфера труда, сфера ресурсов, сфера социокультурных факторы и, наконец, сфера, несколько условно обозначенная в модели как «время» (речь идет, естественно, о ресурсах времени – в отличие от экономических или иных материальных ресурсов, которые рассматриваются в качестве самостоятельной сферы). При анализе сферы труда основное внимание уделено изменениям в содержании, уровне квалификации и объеме выполняемых работ. При исследовании сферы времени основной акцент сделан на изменениях в затратах времени на выполнение определенной деятельности. Анализ сферы ресурсов предусматривает оценку изменений в уровне доступности ресурсов (в частности, таких, как доходы, земельные ресурсы, финансы и кредиты). Наконец, анализ сферы социокультурных

факторов должен учитывать изменения в образе и стиле жизни тех социальных групп, которым в первую очередь адресованы те или иные меры социально-экономической политики (речь идет, в частности, об изменении гендерных стереотипов, гендерного разделения труда, гендерных ролей и статусов).

Итоговый результат анализа представляется в форме матрицы, в клетках которой показано пересечение *социального уровня* анализа и *сферы проявления* гендерных последствий. При проведении анализа эти клетки должны быть заполнены собранной содержательной информацией, изложенной в краткой форме. После заполнения всей матрицы группа обсуждает полученные результаты и оценивает их, исходя из того, являются ли результаты, выявленные при очередной ревизии МГА, желательными, и насколько они соотносятся с конечными целями реализуемой программы. Отдельно выделяются те результаты, которые не были предусмотрены в ходе разработки программы. Благодаря привлечению к работе членов целевой группы данная методика представляет собой эффективный инструмент развивающего гендерного тренинга и может быть успешно использована для мониторинга и оценки результатов социально-экономической политики на уровне муниципальных образований.

Таблица 3.

**Гендерные последствия социально-экономических программ:
аналитическая операционализация**

	<i>Труд</i>	<i>Время</i>	<i>Ресурсы</i>	<i>Социо-культурные факторы</i>
<i>Женщины</i>				
<i>Мужчины</i>				
<i>Домохозяйства</i>				
<i>Местное сообщество (local community) / социальная группа)</i>				

Достоинства и недостатки Матрицы гендерного анализа. Методика МГА обладает целым рядом достоинств, положительно отличающим ее от других описанных аналитических подходов. Важным преимуществом является то обстоятельство, что в данной модели использованы легко интерпретируемые и доступные в плане сбора информации категории; здесь задан логичный и интуитивно ожидаемый набор оснований систематизации информации, предусмотрен постоянный мониторинг хода реализации программ. Благодаря процедуре коллективного обсуждения членами целевой группы данная методика обеспечивает возможность многостороннего анализа проблем и поз-

воляет выявить весь спектр оценок и ожиданий членов группы. В этом отношении данный инструмент имеет принципиальное отличие от методик, опирающихся на индивидуальные суждения, или экспертные оценки.

МГА обладает значительным культурно-преобразующим потенциалом. Это инструмент, направленный на стимулирование процесса обучения. Методика отталкивается от практических проблем, чтобы постепенно подойти к идее культурных изменений, причем логическую связь между практикой и культурой устанавливают в ходе обсуждения сами участники целевой группы. Это позволяет предупреждать возможное сопротивление реализации проекта со стороны части группы и обеспечивать поддержку тем членам, которые попадают в “группы риска”. Эта особенность является исключительно важной в тех случаях, когда программные меры оказывают существенное воздействие на сложившиеся гендерные отношения, что может привести к усилению проявлений насилия в отношении женщин, являющихся бенефициариями проектов.

Данная методика рассматривает как специфический опыт мужчин и женщин, так и гендерные отношения, складывающиеся между ними. Благодаря включению в анализ мужчин как гендерной группы МГА может быть с успехом использована в тех случаях, когда именно мужчины являются основными бенефициариями (например, программы, адресованные бывшим военнослужащим, подросткам из групп риска, и пр.)

Вместе с тем, в адрес модели МГА высказываются и определенные критические замечания. Так, например, при заполнении матрицы МГА есть опасность упустить из виду значимую информацию, если аналитические категории интерпретируются излишне прямолинейно и однозначно. Кроме того, ожидания и интересы членов дискуссионной группы также могут создавать препятствия объективному обсуждению проблемы. Например, участники дискуссий могут сознательно избегать обсуждения негативных аспектов проблемы, поскольку опасаются лишиться возможного финансирования программы (тем более, если в обсуждении участвуют эксперты и разработчики программы). Трудности при организации коллективной дискуссии могут также быть следствием подчиненного положения женщин, которое препятствует открытому высказыванию ими своего мнения. В этом случае рекомендуется проводить обсуждения первоначально в составе чисто мужских и чисто женских групп. Коллективные обсуждения в составе смешанных групп могут быть успешными, если все участники дискуссии готовы к тому, чтобы свободно высказывать собственное отношение к обсуждаемым проблемам. Наконец, МГА не всегда позволяет выяснить, кто из членов

целевой группы может оказаться в наиболее уязвимом положении вследствие реализации программы.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в настоящей статье методологические подходы к интеграции гендерного измерения в разработку программ и проектов социально-экономического развития и оценку гендерных последствий социально-экономической политики в основном были предложены и опробованы в развивающихся странах. Однако очевидно, что при соответствующей адаптации конкретные методики гендерного анализа могут быть использованы и в практике других стран.

В частности, применительно к российским условиям описанные методики могут быть широко использованы при проведении гендерной экспертизы законодательства в социально-экономической сфере. Предлагаемые методологические рамки вполне адекватны для изучения гендерных последствий мер социально-экономической политики как на макроуровне, так и на уровне регионов и муниципальных образований.

Подчеркнем, что, несмотря на общность конечных целей – интеграцию гендера в анализ и разработку социально-экономической политики – каждая из вышеописанных моделей имеет свои особенности, которые определяют возможности ее использования на разных уровнях. Если *Гарвардская аналитическая модель* или *Анализ социальных отношений* позволяют провести анализ гендерных последствий на макроуровне, то Матрица гендерного анализа предназначена, главным образом, для муниципальных образований. Что касается *модели Расширения властных возможностей для женщин*, то в принципе она может быть использована на любом уровне, начиная с федерального и кончая муниципальным.

Представляется, что главным ограничением при использовании вышеописанных моделей являются не столько их аналитическая сложность или трудности в поиске необходимой информации, сколько готовность правящих элит к признанию значимости гендерных проблем. Применительно к российским условиям приходится констатировать, что для большинства лиц, принимающих решения по социально-экономическим вопросам, типичным является ориентация на гендерно-нечувствительную политику, (т.е. игнорирование гендерного измерения), либо на гендерно-специфическую политику, предполагающую учет потребностей каждого пола в отдельности. В принципе гендерно-специфическая политика может иметь различную направленность. В традиционной версии она предполагает меры, соответствующие стереотипным представлениям о социальных функциях мужчин и женщин (например, меры по защите материнства для женщин, и меры по обеспечению занятости – для мужчин). В

“преобразовательной” версии она может быть направлена на преодоление культурных стереотипов в отношении мужчин и женщин (например, меры по интеграции женщин в нетрадиционные для пола профессии и меры по вовлечению мужчин в воспитание детей). Очевидно, что в российском контексте пока реализуется преимущественно традиционная версия гендерно-специфической политики, отражающая гендерные установки лиц, принимающих решения. Что касается экспертов, дающих заключения по мерам социально-экономической политики (если только они не относятся к числу специалистов в области гендерных исследований), то для них в большей степени характерен гендерно-нейтральный подход, который оценивается ими как наиболее объективно отражающий реальность.

Таким образом, сам менталитет социальных акторов, действующих в сфере разработки и принятия решений по социально-экономическим вопросам, накладывает ограничения на использование тех или иных аналитических методик. В частности, в российских условиях весьма ограниченными выглядят возможности применения модели Лонгви и матрицы гендерного анализа, использование которых требуют достаточно продвинутого гендерного мышления. Вместе с тем, на уровне неправительственных женских организаций эти методики могут быть с успехом использованы для проведения независимой экспертизы социально-экономической политики регионального и муниципального уровня.

Большие перспективы для гендерного анализа открывает использование Анализа социальных отношений, поскольку эта методика удачно соединяет методологическую корректность и сфокусированность на гендерной проблематике. Представляется, что данная методика может найти широкое применение как при разработке программ социально-экономического развития, так и при проведении официальной и независимой гендерной экспертизы любого уровня.

Освоение вышеописанных методик и их корректная адаптация к российским условиям (включая вопросы информационного обеспечения) позволит существенно расширить арсенал инструментов гендерного анализа в социально-экономической сфере и обеспечить гендерную сбалансированность принимаемых решений.

Примечания

¹ См. *Elson, Diane.*(1991). [1995 2nd edition]. *Male Bias in Macroeconomics: The Case of Structural Adjustment // Male Bias in the Development Process / Ed. by Elson, Diane.* Manchester University Press. Manchester, pp. 164-190; *Palmer, Ingrid.* (1991). *Gender and Population in the Adjustment of African Economies: Planning for Change // Women, Work and Development*, No. 19. International Labour Office. Geneva; *Palmer, Ingrid.* (1994). *Social and Gender Issues in Macro-economic Policy Advice // Social Policy Series No. 13.* GTZ. Eschborn.

---

² См. *Elson, Diane*. (1991). [1995 2nd edition]. *Male Bias in Macroeconomics: The Case of Structural Adjustment // Male Bias in the Development Process* / Ed. by Elson, Diane. Manchester University Press. Manchester, pp. 164-190; *World Bank*. (1995). *Toward Gender Equality: The Role of Public Policy*. World Bank. Washington DC, pp.58-59.

³ См. напр., *Haddad, Lawrence; Hoddinott, John*. (1994). *Women's Income and Boy-Girl Anthropometric Status in the Cote d'Ivoire* // *World Development* 22:4, pp. 543-553; *Haddad, Lawrence; Hoddinott, John; Alderman, Harold* (eds). (1997). *Intra-household Resource Allocation in Developing Countries: Models, Methods, and Policy*. International Food Policy Research Institute. John Hopkins University Press. Baltimore and London.

⁴ См. *Elson, Diane*. (1991). [1995 2nd edition]. *Male Bias in Macroeconomics: The Case of Structural Adjustment // Male Bias in the Development Process* / Ed. by Elson, Diane. Manchester University Press. Manchester, pp. 164-190.

⁵ Доклад Экономического и Социального Совета. ООН.1997.

⁶ *Moser, Caroline*. (1993). *Gender Planning and Development: Theory, Practice and Training*. Routledge, UK/USA; Canadian Council for International Co-operation. (1991). *Two Halves Make a Whole: Balancing Gender Relations in Development*, MATCH, Ottawa.

⁷ Canadian Council for International Co-operation. (1991). *Two Halves Make a Whole: Balancing Gender Relations in Development*, MATCH, Ottawa, pp. 26-34.

⁸ Эта закономерность, которая была зафиксирована многими исследователями при анализе гендерных последствий экономической модернизации развивающихся стран, в последние десятилетия все чаще опровергается. Примером тому могут служить многочисленные зоны экспортного производства развивающихся стран, в которые были перенесены многие трудоемкие сборочные производства из развитых стран. В этих случаях женская рабочая сила как более дешевая и менее требовательная в плане условий и охраны труда, имеет более высокие шансы найти работу (пусть даже на условиях повышенной интенсивности, низкой оплаты и отсутствия социальной защищенности), в то время как мужчины часто оказываются в роли безработных. В частности, подобная ситуация была описана в научной литературе на примере зон экспортного производства в Мексике и странах Юго-Восточной Азии.

⁹ *Moser, C*. (1989). *Gender Planning in the Third World: Meeting Women's Practical and Strategic Needs*. *World Development*, Vol. 17, No. 11; *Moser, C. and Levy, C*. (1986). *A Theory and Method of Gender Planning – Meeting Women's Practical and Strategic Needs* // DPU Gender and Planning Working Paper No. 11, Development Planning Unit, London; Canadian Council for International Co-operation (1991). *Two Halves Make a Whole: Balancing Gender Relations in Development*, MATCH, Ottawa, pp. 39-40.

¹⁰ *Molyneux, M*. (1985). *Mobilisation Without Emancipation & Women's Interests, States and Revolution in Nicaragua* // *Feminist Studies*, 11, No.2.

¹¹ *Kabeer, N*. (1994). *Reversed Realities: Gender Hierarchies in Development Thought*. Verso, London; *Kabeer, N. and Subrahmanian, R*. (1996). *Institutions, Relations and Outcomes: Framework and Tools for Gender-Aware Planning*. IDS Discussion Paper 357, Brighton.

¹² *Overholt, C.A., Anderson, M.B., Austin, J.E. and Cloud, K*. (1985). *Gender Roles in Development Projects*. Kumarian Press Inc., Connecticut; *Lingen, A., Brouwers, R., Nugieren, M., Plantenga, D., Zuidberg, L*. (1997). *Gender Assessment Studies: A Manual for Gender Consultants*. Institute of Social Studies Advisory Service, The Hague.

¹³ Например, известны практики, когда в обмен на работу жены на поле мужа, он должен платить ей заработную плату или же отрабатывать определенное время на участке земли, который принадлежит жене.

---

¹⁴ *Longwe, Sara H. (1991). Gender Awareness: the Missing Element in the Third World Development Project // Changing Perceptions: Writings on Gender and Development / Ed. by Tina Wallace and Candida March. Oxfam (UK and Ireland), Oxford; Oxfam Gender Training Manual (1994) / Ed. by Suzanne Williams. Oxfam (UK and Ireland), Oxford; Longwe, Sara H. (1995). Supporting Women's Development in the Third World: Distinguishing between Intervention and Interference // Gender and Development, Vol. 3, No.1, Oxfam, Oxford.*

¹⁵ *March, C., Smyth, I. and Mukhopadhyay, M. (1999). A Guide to Gender Analysis Frameworks. Oxfam, GB.*

¹⁶ *Kabeer, N. (1994). Reversed Realities: Gender Hierarchies in Development Thought. Verso, London; Kabeer, N. and Subrahmanian, R. (1996). Institutions, Relations and Outcomes: Framework and Tools for Gender-Aware Planning. IDS Discussion Paper 357, Brighton.*

¹⁷ Известны, например, ситуации, когда крестьяне регулярно продавали свою продукцию посредникам, платившим за нее очень низкие цены. Естественно, что выявление подобной ситуации вызывало желание со стороны НЖО и организаций по проблемам развития заменить посредника и повысить уровень цен. Однако в действительности оказывалось, что цена, уплачиваемая посредником, состояла из двух частей – видимой и невидимой. Невидимая часть – это обеспечение определенной экономической безопасности и поддержки крестьянам, которые устанавливали с посредником длительные связи (в форме кредитов и обеспечения сбыта в кризисные периоды). Подобные “невидимые” формы отношений практически не выявляются с помощью формальных методик типа Гарвардской модели; вместе с тем в рамках АСО они могут быть успешно описаны и проанализированы.

¹⁸ *Parker, R. (1993). Another Point of View: A Manual on Gender Analysis Training for Grassroots Workers. UNIFEM.*